

Дмитрий Николаевич Морозов

начальник отдела анализа и обобщения судебной практики
Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда,
кандидат юридических наук

**Комментарий к обобщению практики применения
Восемнадцатым арбитражным апелляционным
судом законодательства о поручительстве**

В условиях мирового финансового кризиса существенным образом возросло количество споров, связанных с неисполнением гражданско-правовых обязательств (преимущественно кредитных), значительное число которых обеспечивалось поручительством. При этом законодательство о данном способе обеспечения исполнения обязательств сложно назвать обширным — в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) содержится всего 7 статей¹. Безусловно, само по себе это обстоятельство не говорит о пробельности правовой регламентации в обозначенной области (более того, разработчики Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России полагают, что нормы ГК РФ о поручительстве в силу сохранения преемственности в регулировании данного института и четкости закрепленных в них правовых конструкций не нуждаются в серьезном реформировании), однако выявленные в ходе проведенного обобщения судебной практики проблемы показывают в том числе целесообразность корректировки некоторых законоположений. До проведения соответствующей законотворческой деятельности отмеченные неясности могут восполняться судебной практикой, единообразному формированию которой и способствует обобщение практики применения законодательства о поручительстве, проведенное Восемнадцатым арбитражным апелляционным судом² (далее — Обобщение).

Вопрос о том, является ли заключенным договор поручительства, если в нем отсутствует условие об объеме ответственности поручителя, изложен в **пункте 1 Обобщения**. В судебной практике по указанному поводу представлены две точки зрения.

¹ Для примера — в ГК Нидерландов поручительству посвящен целый раздел, состоящий из трех глав.

² Данное обобщение судебной практики было одобрено постановлением президиума суда от 13.05.2011 № 6.

Сторонники *первого* подхода полагают, что существенным условием договора поручительства является его предмет, в частности указание на основное обязательство между должником и кредитором³.

При этом диспозитивность нормы п. 2 ст. 363 ГК РФ означает, что отсутствие в тексте договора поручительства указания на объем ответственности поручителя юридически безразлично, поскольку ссылка на конкретный договор, предусматривающий ответственность должника и за исполнение которого обязался поручитель, свидетельствует о том, что поручитель отвечает в том же объеме, что и должник (полное поручительство).

Сторонники *второй* точки зрения считают, что предметом договора поручительства является только конкретная сумма, в пределах которой поручитель отвечает по обязательствам должника. Простая ссылка в договоре поручительства на основной договор не означает, что стороны определили конкретный объем обязательств поручителя⁴.

Как представляется, такой подход сформировался под влиянием правовой позиции, изложенной Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в постановлении от 30.11.1995 № 7045/95 по делу № 14/108 Арбитражного суда Свердловской области. Вместе с тем следует учитывать, что обстоятельства данного дела свидетельствовали о том, что договор поручительства обеспечивал исполнение «будущего» обязательства (ч. 2 ст. 361 ГК РФ). С.В. Сарбаш отмечает, что такой расширительный подход высшей судебной инстанции был оправдан, поскольку иначе «...может возникать риск крайней неопределенности в объеме ответственности поручителя и, как следствие, возрастание рисков нарушения его имущественных интересов. Нельзя исключать и того обстоятельства, что в отдельных случаях недобросовестные кредитор и должник, вступив в сговор, установят в основном (возникающем в будущем) обязательстве такие условия, которые могут привести к искусственному разорению поручителя с оставлением всей выгоды должнику и кредитору»⁵.

Таким образом, объем ответственности поручителя не может являться существенным условием договора поручительства, обеспечивающего исполнение обязательства, которое уже существовало на момент заключения данного договора.

³ См.: п. 10 Обзора практики рассмотрения споров, связанных с исполнением, изменением и расторжением кредитных договоров (приложение к информационному письму ВАС РФ от 26.01.1994 № ОШ-7/ОП-48), постановления Президиума ВАС РФ от 23.07.1996 № 952/96 по делу № 1242 и от 24.09.1996 № 2297/96 по делу № 01-01/15, постановление ФАС СЗО от 11.07.2008 по делу № А05-8334/2007 (определением ВАС РФ от 12.11.2008 № 14415/08 отказано в передаче этого дела в Президиум); Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: общие положения. М., 2005. С. 572 (автор главы — В.В. Витрянский).

⁴ См.: постановления ФАС УО от 07.09.2009 № Ф09-4841/09-С3 по делу № А76-24056/2008, ФАС СЗО от 27.03.2007 по делу № А13-5503/2006, ФАС ВСО от 15.06.2009 по делу № А33-10560/2008 (определением ВАС РФ от 31.08.2009 № 11586/09 отказано в передаче этого дела в Президиум); Предеин К.Н. Поручительство в современном гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 24.

⁵ Сарбаш С.В. Некоторые проблемы обеспечения исполнения обязательств // Вестник ВАС РФ. 2007. № 7. С. 38–39.

Аналогичный подход был впоследствии закреплён в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21.06.2011 № 1850/11 по делу № А40-5798/10-58-76.

В пункте 2 Обобщения отражён *подход*, представители которого считают, что действующее законодательство не содержит запрета на начисление кредитором процентов за пользование заёмными средствами в период нахождения должника в процедуре наблюдения.

Следствием такого вывода является то, что с момента неисполнения должником кредитного обязательства кредитор вправе требовать от поручителя исполнить его за должника (ч. 1 ст. 361 ГК РФ), несмотря на то обстоятельство, что сам должник, находясь в состоянии банкротства, исполнить обязательство в указанном объёме не может⁶.

Согласно *другому подходу* к поручителю могут быть предъявлены требования только в том объёме, в котором они могут быть предъявлены к должнику, находящемуся в процедуре банкротства.

Поскольку размер требования по денежному обязательству (включая проценты), возникшему до возбуждения дела о банкротстве, определяется на дату введения наблюдения, а в реестр требований кредиторов подлежит включению требование об уплате получившейся денежной суммы, размер которой впоследствии, т. е. в конкурсном производстве, не изменяется (п. 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2009 № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве»), то предъявление кредитором к поручителю требования об уплате процентов по кредиту, начисленных за период после введения процедуры наблюдения в отношении должника, является неправомерным.

Президиум суда по итогам обсуждения поддержал первый подход, так как было учтено, что законодательством о банкротстве не предусмотрено такого последствия введения в отношении заёмщика процедуры наблюдения, как прекращение начисления процентов за пользование кредитом.

Пункт 3 Обобщения посвящён решению проблемы квалификации юридической природы прав поручителя, исполнившего обязательство, от которого зависит в том числе и ответ на вопрос о том, переходит ли к исполнившему свои обязательства поручителю право требования к иным поручителям должника в отношении обеспечаемого обязательства⁷.

Позиция, закреплённая в Обобщении, основывается на том, что реализация поручительства приводит к переходу прав кредитора к исполнившему свои обязатель-

⁶ Определённые аналогии с данным выводом усматриваются и в п. 4 рекомендаций Научно-консультативного совета при ФАС УО от 15–16.09.2010 по вопросам применения норм главы 25 ГК РФ «Ответственность за нарушение обязательств».

⁷ Правовая позиция Президиума ВАС РФ по указанному вопросу должна быть изложена в постановлении от 31.05.2011 № 18089/09 по делу № А45-24711/2009.

ства поручителю. Причем этот переход составляет случай так называемой законной цессии (ст. 387 ГК РФ)⁸.

Вместе с тем квалификация требования поручителя, исполнившего обязательство, в качестве регрессного⁹ опирается в том числе на позицию Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, изложенную ранее в п. 13 Обзора практики разрешения споров, связанных с применением арбитражными судами норм ГК РФ о поручительстве (приложение к информационному письму от 20.01.1998 № 28).

Избранный в Обобщении подход осознанно сформулирован в «негативном» изложении («требование кредитора, перешедшее к поручителю, не является регрессным»), поскольку вопрос о природе права требования поручителя, исполнившего обязательство, продолжает оставаться дискуссионным¹⁰. В настоящее время обсуждается возможность вынесения этого вопроса на рассмотрение Научно-консультативного совета при Высшем Арбитражном Суде Российской Федерации.

В пункте 4 Обобщения анализируется пример судебной практики, в котором поручитель ссылался на то обстоятельство, что незаключение одного из пяти самостоятельных договоров поручительства, предусмотренных кредитным договором, повлекло для него неблагоприятные последствия, как следствие, поручительство прекратилось.

Актуальность данного примера обуславливается важностью определения пределов отдаленности «иных неблагоприятных последствий», приводящих к прекращению поручительства в силу п. 1 ст. 367 ГК РФ. Представляется, что позиция суда первой инстанции, а также ее опровержение судом апелляционной инстанции заслуживали отражения в Обобщении с тем, чтобы закрепить следующие выводы: а) изменение условий обеспечиваемого обязательства должно произойти в действительности; б) это изменение должно со всей очевидностью ухудшить правовое положение поручителя.

Пункт 5 Обобщения посвящен выбору одного из двух вариантов решения проблемы как допустимости, так и содержания заранее данного согласия поручителя на изменение основного обязательства.

⁸ См.: *Гражданское право: учебник. В 2 т. Т. II. Полумтом 1 / под ред. Е.А. Суханова. М., 2000. С. 79–81 (автор параграфа — В.С. Ем); Практика применения ГК РФ, части первой / под общ. ред. В.А. Белова. М., 2011. С. 864–866 (автор главы — Р.С. Бевзенко); Белов В.А. Суброгация // Очерки по торговому праву: сборник научных трудов. Ярославль, 2000. Вып. 7. С. 91–101.*

⁹ См.: *постановления ФАС УО от 15.12.2003 № Ф09-3675/03-ГК по делу № А71-138/02, ФАС ВВО от 10.06.2002 № А43-8840/01-22-313, ФАС МО от 10.11.2006 № КГ-А40/10713-06 по делу № А40-57177/05-58-438; Комментарий к ГК РФ, части первой (постатейный) / под ред. О.Н. Садикова. М., 1997. С. 617 (автор комментария — Е.А. Павлодский); Кресс В.В. Обязательство по возврату банковского кредита и поручительство как способ его обеспечения: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. С. 190.*

¹⁰ Так, В.А. Белов отмечает, что квалифицировать отмеченную ситуацию в качестве суброгации можно лишь «с натяжкой», так как для этого придется признать, что поручитель исполняет обязательство должника, которое обеспечено его поручительством (*Гражданское право: Особенная часть: учебник. М., 2004. С. 210*).

Основанием для возникновения этого вопроса послужила нечеткость формулировки п. 1 ст. 367 ГК РФ, а также незавершенность правовой позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, закрепленной в п. 6 Обзора практики разрешения споров, связанных с применением арбитражными судами норм ГК РФ о поручительстве (приложение к информационному письму от 20.01.1998 № 28).

В настоящее время судебная практика в целом признает действительность общего предварительного согласия поручителя на внесение любых изменений в основной договор¹¹. Между тем в доктрине обоснованно отмечается, что «вряд ли можно безоговорочно признать силу соглашения, согласно которому поручитель обязывается отвечать в соответствии с любыми новыми условиями основного договора, поскольку в этом случае объем ответственности и риски поручителя абсолютно не определены»¹²; «с учетом необходимости защиты интересов поручителя праву следует ограничить возможность выдачи неопределенного по содержанию согласия, которое не определяет верхней границы его ответственности»¹³.

Следует также отметить, что Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации не смог сформировать правовую позицию относительно обозначенного аспекта проблемы на заседании, которое состоялось 31.05.2011, поскольку производство по надзорной жалобе № 18385/10 было прекращено в связи с ликвидацией организации, являющейся стороной по делу № А70-8455/2009.

¹¹ Другая точка зрения представлена, например, в постановлении ФАС МО от 08.05.2008 № КГ-А40/2791-08 по делу № А40-52647/07-42-443.

¹² Новоселова Л. Поручительство // *Хозяйство и право*. 2010. Приложение к № 9. С. 32.

¹³ Сарбаш С.В. Указ. соч. С. 39.